

**РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ
О ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ЯЗЫКА
Статья 3. Поэзия и память**

О.Б. ПАНОВА

Поэзия как истинная жизнь Языка.

Пророческое призвание Поэта – «заново крестить мир»

В истории мировой философской мысли философия языка всегда была неотрывна от истории мировой поэзии: ведущие философы, пытаясь постичь природу и сущность Языка, так или иначе попадали в «единый круг общения» с поэтами, поскольку Язык – и к этому, в итоге, приходят практически все авторитетные его исследователи, – *сохраняя изначальную сущность Поэзии Бытия, сам как таковой является Поэзией*, т.е. откровением и творческим раскрытием Мира. В. Гумбольдт был духовно близок с Гёте и поэтами-романтиками рубежа XVIII – XIX вв.; М. Хайдеггер с пристальным вниманием исследовал творчество поэтов разных эпох: Гёльдерлина, Новалиса, С. Георге, Г. Тракля, Р.-М. Рильке. Подобным образом, путем «обмена опытом», происходили новые и новые открытия «энергичной природы» Языка – Ж.-П. Сартра, Л. Витгенштейна, Н. Хомского, Э. Сепира и Б. Уорфа, Ж. Маритена, Ж. Деррида, М. Фуко и многих других. Сам «лингвистический поворот» в гуманитарном познании стал возможным только при осуществлении непрерывного философского диалога о Языке в общем контексте «наук о культуре и духе», который все еще продолжается. «Поэзия впервые делает язык возможным», и потому «сущность языка должна пониматься из сущности поэзии», – утверждал М. Хайдеггер в комментариях к творчеству близкого ему поэта Гёльдерлина¹, фиксируя тем самым весьма важный общий коренной сдвиг, касающийся мировой лингвофилософской мысли в целом: переориентировку внимания философов с логико-грамматической структуры Языка на его исконно *творческую природу*, в истоке которой – *ποίησις*, понимаемая как *творчество* в полном смысле этого слова, универсальное *Миро-творческое* начало, созидающее Космос.

В истории русской философии тот факт, что о боговдохновенности Языка в наибольшей степени свидетельствует *поэзия*, изначально и в дальнейшем никогда не вызывал сомнений: именно в поэзии природа софийного слова ощутима в полной мере. Поэзия – *истинная*, т.е. *естественная* жизнь Языка в его творческой динамике, подлинный способ его бытия, явное свидетельство его способности прорекать

Истину. «Поэзия есть высшая форма существования языка... отрицание языком своей массы и законов тяготения, это устремление языка вверх... к тому началу, в котором было Слово», — говорил И. Бродский, великолепно знавший историю мировой поэзии до ее древнейших корней, интуитивно чувствовавший ее традицию совершенствования и сакрализовавший Язык, понимавший его как сверхвременную, сверхисторическую, метафизическую величину². Если бы достижения русской философии языка, выросшей и состоявшейся в общем контексте философии всеединства, философии «цельной жизни духа», имеющей древнюю религиозную традицию и сопряженной с христианским откровением, в сердцевине хранящей культ Слова, не были обделены вниманием в процессе всемирного лингвофилософского поиска, это изначально могло бы воспрепятствовать известному в истории философии стремлению поставить Язык под контроль Чистого Разума и рассматривать его исключительно как логически совершенную сферу идеальных значений, точную, но абстрактную и мертвую схему действительности и позволило бы не упустить *поэтическую, творческую природу* Языка. Историками философии не раз фиксировался этот переломный момент, эта возможность, всегда данная философии языка: «Как соблазнительно и практично, особенно для греческого языка (благодаря артиклю τό!) сложилось представление сферы смысла как истинно сущего (ὄντως ὄν), и тем самым человек, возможно, впервые оказался в состоянии сделать априорное темой мышления, так же, именно вместе с этой первой доступностью бытия, к нему уже была применена категориальная схема сущего... что превратило ἀ-λήθεια, то есть *истину как просвет бытия*, в правильность, верность, справедливость... Но если мы сейчас высматриваем феномен, где *просвет бытия особо открывается через язык и в языке, то мы тотчас приходим к поэзии и непосредственно касаемся его сущности*... Поэзия не стремится сделать доступным бытие как структуру чистых сущностных форм, она интуитивно схватывает его в полноте конкретной действительности и позволяет бытию вспыхивать так, как оно само является подлинному восприятию, как бы просвечивая сквозь конкретное сущее... Всякий раз, когда человек... обретает понимание сущего в его сущности, бытие уже устраивается в доме языка».³

Вышесказанное будет вдвойне верным, если говорить о *русской поэзии*, кстати, неотрывной от русской философии в целом (В. Соловьев был поэтом; круг общения П. Флоренского составляли поэты-символисты; поэты Б. Пастернак, А. Белый принадлежали к неокантианскому течению мировой философской мысли; примеры можно продолжить), ведущей свой, глубоко личный, философский поиск сущности Слова, что только подтверждает наличие принципа всеединства в русском философском мировоззрении. Русский философ по сути своей — *художник слова*, поэт. В истории русской

культуры поэт всегда имел статус вестника и пророка. Лучшие главы пророческой книги Даниила Андреева «Роза Мира», содержащей историософскую концепцию автора — итог его многолетних духовно-религиозных исканий и размышлений о судьбе России в большом времени метаистории, в границах не лет и веков, но *эонов*, посвящены дару вестничества, богоизбранничеству и высокой миссии поэтов-вестников, их метаисторическому значению в мировой истории: «*Вестник* — это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из миров иных... Искусство вообще и *искусство слова в особенности* может быть выражением высшей реальности, верховной Правды... и... поэт, осуществляющий свой *дар вестничества*, выполняет этим то, к чему он предназначен Божественными силами... Не случайно на первых же страницах великой русской литературы пламенеют потрясающие строфы пушкинского «Пророка»... Пушкин был и остается в представлении миллионов людей носителем именно *гармонического слияния поэзии и жизни*... Этот солнечный бог нашего Парнаса, проходящий, то смеясь, то созерцая, то играя, то скорбя, то молясь, у самых истоков русской поэзии, этим самым *сближает в сознании множества стихии поэзии и жизни*... Пушкин впервые поставил во весь рост специфически русский, а в грядущем — мировой вопрос *о художнике как о вестнике высшей реальности* и об *идеальном образе пророка* как о конечном долженствовании вестника. Конечно, он сам не мог сознавать отчетливо, что его интуиция этим расторгает круг конкретно осуществимого в XIX веке и прорывается к той грядущей эпохе, когда... *из таинственного лоно России поднимется цветок всемирного братства — Роза Мира, вытесованная вестниками — гениями — праведниками — пророками*⁴.

Русская культура два столетия создавала и продолжает создавать свой, глубоко личный, *миф о Пушкине*. Русская пушкиниана, включающая глубокие размышления философов, мыслителей, деятелей искусства о гении, жизни и судьбе, поэтическом наследии Пушкина, его особой миссии в истории Человечества, сама по себе — самостоятельное оригинальное явление русской и мировой культуры⁵. Все представители русской пушкинианы (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, В.В. Розанов, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, М.О. Гершензон, И.А. Ильин, Ю.М. Лотман и многие другие) считают Пушкина подлинно «русским человеком во всей его глубине». Их эссе о Пушкине — по сути, попытки постижения русской культуры до ее сакральных основ, осмысления творческого бытия *русского слова, русского логоса* в культуре мировой. Все они говорят о «*всемирной отзывчивости*» Пушкина — его особой открытости иным культурным мирам, удивительной способности быть *братом* другим народам, полностью становиться человеком другой культуры, dare глубокого понимания духа других наций. Пушкин,

самобытное творчество которого исходит из глубины русского духовного опыта, был, по сути, «всечеловеком» — живым воплощением идеала всечеловеческого единения, Всеединства Культуры, и эта «всечеловечность» присуща русской культуре в целом. *Великим и гениальным ребенком* называли Пушкина еще современники: на протяжении всей его недолгой, мгновенной жизни ему была свойственна детская душевная чистота, искренность, счастливая юношеская влюбленность в вечно изменчивый в многообразии своих ликов Мир, вдохновение и творческая легкость, молодость — *младость* — как состояние жизнерадостности. «Пушкин умел, как никто, смеяться в пении и петь смехом; и не только в поэзии. Он и сам умел хохотать, шалить, резвиться как дитя и вызывать общую веселость. Это был великий и гениальный ребенок, с чистым, простодушно-доверчивым и прозрачным сердцем»⁶. «*Всемирная отзывчивость*» — еще более широкое понятие, под ней подразумевается связь Пушкина, *дитя гармонии*, со всей Вселенной, его *вселённость* в Мир, мифопоэтическое мировосприятие, *удивление* Миротворению в древнегреческом философском смысле. М.О. Гершензон, проникая в «глубокое откровение» слова Пушкина, обнаруживает близость *Пушкина* и *Гераклита* — в целостности и органичности мышления обоих, которое вырастает из глубин древнегреческого и древнеславянского культурного опыта, в свою очередь восходящего к древнейшим эпохам «детства» Человечества, эпохам Мифа. Общее у них — именно мировосприятие: в Мире нет ничего постоянного, вечного, статично данного и неизменного, истинна лишь *Жизнь* Мира, постоянно только чистое движение. Это всеединое начало, всеобщую мировую динамику Гераклит именует Огнем; Огонь — и разум, и закономерность изменений, и творчество, он и есть *λόγος*, *λόγος ζυνός*. Сущность Бытия — динамика, энергия, вечная изменчивость, процесс, течение: все движется, все течет. Соответственно его Язык — стихия, творческая энергия. Жизненный процесс Слова, как считает Гершензон, включает три этапа: оно возникает в лоне *мифа*; сохраняя его дух, существует в качестве *метафоры*; окончательно утрачивая живую связь с мифом, становится *отвлеченным понятием*, угасает, умирает. Но язык Пушкина, как язык всякого гениального поэта, не подвластен смерти, ведь жизнь его души — огонь, она естественным образом причастна к жизни Души Мира, Софии, и высшее житнетворческое напряжение — любовь. Отсюда и поэзия по природе — «*пламень жизни*», «*огонь любви*», «*жар сердца*», «*огненный глагол*». «...Поэт не знает мертвых слов: в страстном возбуждении творчества для него воскресает *образный смысл слова*, а в лучшие, счастливые минуты чудно *оживает сам седой пращур родового знака — первоначальный мир*». «Поэзия есть огонь, чистейший из всех видов душевного огня... вдохновение или восторг поэта есть особого рода возгорание души, необычайно сильное, и, однако, гармоничное. Пушкин однажды назвал его «восторгом пламенным и ясным»:

Там, там, где тень, где лист чудесный,
 Где льются вечные струи,
 Я находил *огонь небесный*,
 Сгорая жаждою любви

(«Разговор книгопродавца с поэтом»)

— в черновой было «*язык небесный*»: значит, Пушкин сознательно заменил «*язык*» «*огнём*»⁷.

В.С. Соловьев, много размышлявший о русской сло-*вест*-ности и ее особом значении в истории мировой культуры, одну из работ посвятил Ф.И. Тютчеву, поэзия которого с его точки зрения выражает сущность поэзии как таковой. Тютчев, как и всякий истинный поэт, представляется Соловьеву *древним* человеком, искренне *верящим* в интуитивно ощущаемую им гармонию и красоту Живого Всеединства Вселенной и обладающим даром *понимания* языка Природы («*В ней есть любовь, в ней есть язык!*») Состояние души поэта соответствует состоянию Души Мира, его мышление сродни истинно творческому мифопоэтическому мышлению эпохи «детства» Человечества, культур Древнего Мира, где еще нет противоречия между мыслью и чувством, где естественна гармония рационального и иррационального, и разум вполне согласен с вдохновением, где Сознание укоренено в Бессознательном, где только и становится возможным Язык, пропекающий Истину, Язык *универсальный* в смысле его исконной *соприродности* Миру, *Универсуму*. «Ему (Тютчеву) не приходилось искать Душу Мира... Она сама сходилась с ним в блеске молодой весны и в светлости осенних вечеров, в сверканье пламенных зарниц и в шуме ночного моря, она сама намекала ему на свои роковые тайны... Мир был полон для него и величья, и красы, и красок... Он сознательно верил в то, что чувствовал, — ощущаемую им живую красоту принимал и понимал не как свою фантазию, а как *истину*... Дело поэзии... в том, чтобы воплощать в осязательных образах тот самый высший смысл жизни, которому философ дает определение в разумных понятиях... Художественному чувству непосредственно открывается в форме осязательной красоты то же совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истина мышления»⁸.

Боговдохновенная поэзия, «божественный глагол», живой естественный язык, язык, как он есть, в его истине («*Язык не есть только материал поэзии, но сама поэзия*»⁹), отсылает к пра-времени, пра-памяти Культуры — Мифу, когда сам Человек как таковой имел статус *Номо роieticus*, «поэтически жительствоющего» и творящего Космос. Самим своим существованием поэзия явно напоминает об исконной религиозности Языка, *ge-ligio*/взаимосвязи, единокровном родстве всей Вселенной, свидетельствует о преданной ныне забвению *миро-творческой* функции Языка, о его «пророческом призвании» — *именовать* всё и вся, и, нарекая именем, прорекать Истину. В откровениях

Марины Цветаевой находим интересную мысль: «*Всё существует с начала века, но не всё — так — названо. — Дело поэта — заново крестить мир*»¹⁰. И это — вполне закономерный возврат поэта к древнейшему всеобъемлющему пониманию *Имени* как космического перво-начала, к именованию как синергийному (в глубоко русском смысле) процессу со-творения Мира Богочеловечеством. «Для всех народов имя... полное смысла и реальности явленное в мире познание о мире... древние: имя для них было познанной и познаваемой сутью вещей, идей. Назначение его — выделять объект из общего хаоса впечатлений и соединять с другими... Функция имени есть связанность. Имя размыкает беспорядок сознания и смыкает порядок его. Оно и реально, и идеально. Оно есть начало членораздельности, начало расчлененности, начало лада и строя. Короче, *имя не есть звук, а есть слово, λόγος, то есть слово = разум, звук = смысл, то и другое в их слиянности*. А если так, *то не прав ли Гёте, переводящий Евангельское Слово — через Деяние — That... В слове мы приобретаем Вселенскому Слову, Вселенскому Разуму, Вселенскому Деянию*, в котором «живем, движемся и существуем», — пишет П.А. Флоренский¹¹. Имя — языковое и культурное а priori, найденное русской философией языка и слова, не случайно в истории мировой философской мысли заявившей о себе как *философия имени*. Это отказ от пути ограниченного толкования Логоса в узком, строго логическом смысле, избранного классической линией западноевропейской философии, претендующей на «расколдовывание» Мира, и уверенное следование древнейшей традиции миротворящего Логоса-Слова, восходящей к высшему сокровенному Имени. С точки зрения А.Ф. Лосева, *имя* становится всеохватывающим универсальным концептом, возрастая до вселенских масштабов. Сло-вест-ность пронизывает весь Космос: всё сущее может рассматриваться как слово, как откровение, как «высказывание» своей сущности; словом является и Человек, слово — Мир, Слово — Бог. Всеединство Вселенной в целом может быть осмыслено через категорию Слова. «Если сущность — имя и слово, — пишет Лосев, — то, значит, и весь Мир, Вселенная есть имя и слово, или имена и слова. Все бытие есть то более мертвые, то более живые слова. Космос — лестница разной степени словесности. Человек — слово, животное — слово, неодушевленный предмет — слово. Ибо все это — смысл и его выражение. Мир — совокупность разных степеней жизненности или затверделости слова. Все живет словом и свидетельствует о нем»¹². Лосев работает в традициях русской философии, следуя за своими учителями — В.С. Соловьевым, П.А. Флоренским, С.Н. Булгаковым, и диалектический путь возвращает философа к воссозданию истинной философии в том статусе, который она имела в мифопоэтическую эпоху Культуры Человечества, в момент рождения философской мысли из Целомудрия Всеединства культур Древнего Мира, и к ее древнему истоку — Первосущности, первоначальному Слову, к *самому*

исконному Имени, которое предстает как «свет существа Божия, образ и явление Бога, выражение и начертание неименуемой и непостижимой сущности Божией», понимается как «вид, явление, проявление сущности, эйдос, или идея, Божества»¹³.

Слово и Душа Человека.

Язык как хранитель памяти Культуры

На фоне всего вышесказанного следующее высказывание С.Н. Булгакова становится глубоко понятным. Русская философская традиция придает его смыслу сокровенное теософское, софиологическое измерение. «Слово *космично* в своем *естестве*, ибо принадлежит *не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию*, и человек есть... микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично или, скажем точнее, *антропологично*. И эта антропологическая сила слова и есть реальная основа языка и языков. Наречия различны и множественны, но язык один, слово едино, и его говорит мир, но не человек, говорит *мирочеловек*... В этом смысле понятен рассказ книги Бытия о том, как Бог привел к Адаму всех животных, чтобы видеть, «как он назовет их» (Быт. II, 19), то есть, иначе можно сказать, как они сами назовут себя через него и в нем, ибо он как *человек*, как микрокосм, бытийно всех их имел в себе как *носитель Божественного Логоса, как образ Божий*, он имел в себе силу идеации мира, в нем рождалось мировое слово... Язык творится нами, он есть наше художественное произведение, но вместе с тем он нам дан, мы его имеем как некоторую *изначальную одаренность*. И то, что мы имеем, мы не творим, но из него творим. И об этих первословах мы и утверждаем, что они сами себя сказали. И они суть живые, словесные мифы о космосе, в них закрепляются космические события, мир нечто говорит о себе, и изначальное словотворчество есть космическое мифотворчество, повесть мира о себе самом, космическая радуга смыслов, словесная символика»¹⁴. Это прозвучало практически одновременно (даже с некоторым опережением) с известными рассуждениями М. Хайдеггера о Языке как «доме Бытия», природе, сущности, статусе и предназначении Языка¹⁵. Но сказано русским мыслителем иначе — более проникновенно и гораздо откровеннее. М. Хайдеггер вынужден был работать, придерживаясь традиции классической трансцендентальной философии, даже в «поворотный» момент своих философских поисков он шел к Истине о Языке «неторными тропами». Русский философ опирался на древнейшую софиологическую традицию Всеединства, будучи неотрывным в своих размышлениях от истоков родной культуры. Сокровенное знание всегда доходило до Человечества через Слово — священные тексты, предания, пророчества, поэзию, искусство. Язык, про-рекая Истину-Добро-Красоту, входит в Мир как *откровение* — при этом он сопряжен с *Человеком*, присущ *Человеку*.

Человеку суждено стать истинным «носителем» Языка, данного ему не для обладания, но для *служения* Слову, Логосу. Язык – самостоятельная, самодостаточная реальность, универсальный метафизический контекст бытия Мира, Культуры, Человечества – как и Сознание, имеет трансцендентальный статус, являясь при этом уникальной человеческой способностью, подчеркивая чисто *человеческий* способ бытия – выделяя Человека. Человек, созданный по образу и подобию Бога-Творца, получил *дар* Слова в совокупности с другими дарами Всевышнего – жизнью, любовью, памятью, способностью к познанию Мира и вечному поиску Истины, и с ними унаследовал *дар творчества*, возможность «поэтического жительства на этой земле», самовыражения и со-творения подлинно Человеческого Мира – Культуры.

Трансцендентальный субъект классической западноевропейской философии был противопоставлен Миру, полностью отвлечен от него, пребывал в позиции надмирности, властно формируя Мир в соответствии со своими жесткими законами. Однако идеально сконструированный Чистой Мыслью и подведенный под логику всеобщих, неизменных, абсолютных универсалий Жизненный Мир Человечества выглядит без-жизненным, ведь сам человек – живой, единственный, уникальный в полноте его жизни и многообразии творческих возможностей, утрачивается в Трансцендентальном Субъекте. Русская философия, которой присуща глубокая и коренная религиозность, отличалась изначальным пониманием того, что Мир постижим «живым», а не отвлеченным знанием: познает «*всечеловек*», «*мирочеловек*», познает целостное человеческое существо в совокупности всех его познавательных-творческих возможностей; живая человеческая личность со всем богатством ее духовно-душевного мира, разумными возможностями, творческими способностями, уникальными человеческими переживаниями, жизненным, историческим, национально-культурным и шире – богочеловеческим опытом. Н.А. Бердяев в сочинениях парижского периода эмиграции выражает этот гносеологический смысл, оперируя не понятием *трансцендентальный субъект*, но понятием *трансцендентальный человек*: «Человек имеет богочеловеческий опыт, вся религиозная и духовная жизнь отсюда проистекает, и это свидетельствует о существовании *трансцендентального человека* за человеком природным...Трансцендентальный человек находится по ту сторону уже объективированного противоположения индивидуального и универсального, он и универсальный, и индивидуальный человек, но он не есть ни универсальный разум, ни кантовское трансцендентальное сознание, ни гегелевский мировой дух, он есть *человек*... Настоящая *человечность откровения*, *человечность Бога* обнаруживается именно от пробуждения *трансцендентального человека*... он есть *a priori* всякого познания истины и даже самого существования истины. Это не есть логическое *a priori*, *a priori* отвлеченного разума, это есть *a priori*

целостного человека, а priori Духа... Истина познается не отвлеченным, частичным человеком, который именуется разумом, сознанием вообще... а целостным человеком, трансцендентальным человеком, образом Божества... Необходимо помнить, что человек всегда был единственным органом, через который откровение доходило до человека. Говорили Моисей и пророки, говорил Богочеловек Иисус Христос, говорили апостолы, святые, мистики, учителя Церкви, богословы и христианские философы... Откровение предполагает человеческую соизмеримость с божественным. Откровение всегда бого-человечно... Если *проблему истины и откровения* рассматривать философски, то это может быть только философией, внутренне основанной на религиозном, духовном опыте, не рационалистической философией, а экзистенциальной философией, признающей первичность духовного опыта... В духовном опыте человека раскрывается тайна Бога, мира и самого человека»¹⁶.

В современных философско-антропологических контекстах русской философии сохраняется мысль о цельности познания, и отнесенности вопроса о природе субъекта познания говорится уже не о трансцендентальном субъекте или трансцендентальном человеке, но о трансцендентальной памяти — родовой прапамяти Человечества в совокупности ее духовного, чувственного, разумного проявлений. Концепция трансцендентальной памяти наследует весь предшествующий философский опыт, интегрирует древнейшие представления о Мировой Душе, Софии, Божественной Премудрости, содержащей в себе всю полноту замысла Творца о Мире, возможностях и границах человеческого миропонимания, достижения философии Платона, христианского неоплатонизма, классического трансцендентализма, экзистенциально-феноменологической философии, культурно-исторической антропологии, глубинной психологии и психоанализа. Субъект познания — Человеческая Личность, имеющая субстанциальную основу, глубоко укорененная в народе, человеческом роде в целом, Мировой Культуре, Мировой Душе, Вселенной¹⁷. В синергийном сотворческом процессе познания как освоения Мира Человеком задействован, таким образом, весь универсум человеческих способностей: разум, воображение, память, воля, жизненная мудрость, религиозное откровение, творческое вдохновение, языковые и коммуникативные возможности — все включено во всеобщую взаимосвязь. Этот древнейший антропологический смысл *человеческого бытия-в-Мире* наиболее полно выражает русское слово «вселенная». В самой его этимологии исторически зафиксирована идея органической целостности мирового бытия, куда естественным образом включен — вселен — Человек. Человек, вселенный в Мир, пребывает в живой стихии Логоса, в изначальном согласии с Миром, подлинно-любовном интимном единстве — примирении. Приобщенный и сопричастный Бытию Человек способен на иное — не абстрактное и отвлеченное, но живое

знание, восприимчив к *Божественному откровению*. И только благодаря этой сопричастности Человека Божественному Логосу, Всеединству Вселенной становится возможным *познание*, которое есть *именование*, ибо Человек — со-творец Бога-Слова, «логос Мира», имяносец и имятворец, носитель Языка — призван в Мир для поиска, обретения и пророчения Истины — Естины, знания, которое, по сути, а priori заложено в его памяти, которое у него от природы уже *есть*. «Человек есть *воплощенное Слово*. Он явился, чтобы *сознать и сказать*», — замечает и Ф.М. Достоевский в первых набросках к «Братьям Карамазовым»¹⁸. Сама способность *именования/миротворчества* есть откровение Бога в Слове, воплощение образа Божьего в Человеке посредством человеческого жизнетворчества, проявление в нем Божественной энергии, а потому именование Божие свершается как вочеловечивание Слова, Его осуществление, через человеческое открывается божественное.

Язык, с учетом всего вышесказанного, в современном русском лингвофилософском дискурсе соотносится уже не с Чистым Сознанием, но с «трансцендентальной памятью» Всемирной Культуры, Душой Мира. Откровение Божества Миру выражается в Миротворении; потенциально сказуемым в Языке оказывается весь Мир, все сущее: имена вещей возникают в актах откровения вещи о себе, своей *сказуемости*. Исторически изменчивый, текучий, динамичный, но вечный и постоянный в ключевых коренных именах, Язык предстает как хранитель памяти Человеческого рода, мудрость Человечества, входит в Мир как откровение, доносит Истину, исторически открывая со временем сокровенное знание, однажды являя потаенные, скрытые до поры, до времени смыслы и значения слов, о которых могли и не догадываться предшествующие поколения говоривших на нем людей. Эмпирический пример тому — русский язык, философски насыщенный, бережно хранящий жизненно-философскую мудрость русской культуры, изначально проникнутой пониманием вселенской взаимосвязи Бога, Человека, Человечества, Мира, Природы — идеей Всеединства, которая дала исходную интенцию русской религиозной философии жизни и русской философии культуры с ее культом Слова, Логоса. Язык — предание и пророчество — нить связи между горним и дольным, сакральным и профанным, вечным и временным, абсолютным и относительным, способ обнаружения сокровенной сущности вещей и явлений и гарант преемственности человеческих поколений в истории. «*Человечество и его жизнь в веках не есть понятие, а есть Слово, имеющее целью нарек на необъятное сцепление событий и мыслей и совершенно непостижимое*», — говорил когда-то Л.Н. Толстой¹⁹. Язык — дар не отдельным людям, но *Человечеству* — целым народам, этносам, культурам. Он — нить, связывающая отдаленные исторические эпохи и поколения, предков и их духовных наследников, пророков, наставников и учеников; он — всеобщая память Человечества о Слове

и перспектива возвращения к Истине-Добру-Красоте, в лоно Любви, единственная возможность совместного Пути. Поэтому русские философы, изначально исходившие из идеи соборности и всеединства, были убеждены, что *идея совершенного Языка*²⁰ а priori заложена в мировой памяти, и все существующие и когда-либо существовавшие языки – фрагменты распавшегося целого, единого всеобъемлющего Языка, и возникновение и развитие каждого из них – необходимый этап осуществления замысла о грядущем взаимопонимании народов и Всеединстве Культуры.

В последнее время высокой активности лингвофилософских исследований в Мире все острее ощущается «ностальгия» по *Слову*²¹. Думается, что в настоящий момент необходимо «оправдание» Логоса²², когда-то ставшего для древних греков универсальным законом гармонии Космоса и далее «словом о сущем», о единой, вечной и неизменной природе вещей, давшего импульс к развитию греческой философии, риторики, диалектики, науки, римского права, а для иудео-христианской культуры – Словом Божьим, обращенным к Миру, Сыном Божьим, Богочеловеком, Христом и явившимся истоком религиозных учений, теософских концепций, искусства и литературы, сотворившим, в итоге, всю Культуру²³. Верное понимание природы и сущности Языка невозможно вне основополагающей идеи Логоса, общей в Древнем Мире для эллинов, иудеев и христиан, далее ключевой для западноевропейской культуры и оказавшей значительное влияние на Мировую Культуру в целом. Всестороннее рассмотрение проблемы взаимосвязи Языка и Сознания представляется осуществимым лишь с ее учетом. И здесь следует принимать во внимание не только достижения, например, англо-американской аналитической философии с ее ориентацией на постулаты строгой математической логики и с ее идеалом логически совершенного Языка, в целом следующей традициям классического трансцендентализма и преимущественно соотносящей Язык с Чистым Сознанием, но и более глубокие логические структуры, укорененные в древнейшем λόγος ζῶνός, «живом самовозрастающем Логосе», и уникальный проект «логики всеединства» русской философии. Универсальность Логоса, изначально содержащего в себе как в семени совокупность понятий закона, веры, любви, истины, нравственности, всеединства, премудрости, дает перспективу постижения «логики Жизни» и принципов устройства и упорядочивания Жизненного Мира Человечества, Этоса Культуры.

В настоящее время, когда русский народ утрачивает свои духовные корни, предает забвению свою историю, особенно историю культуры, историю русской словесности, когда обесценивается Слово и деградирует русский язык, стоит обратиться к эпохам подлинного творческого величия России, помогающим обнаружить скрытые

в истории русской культуры «живые течения», увидеть пути ее возможного духовного возрождения. Думается, внимание к наследию русских софиологов и философов всеединства, явивших глубокое понимание сущности Слова, его софийной природы, оказывается в данном случае не бесполезным. Не следует обделять вниманием развившееся в контексте русской философии всеединства *русское имяславие*, сосредоточившееся на мудрости извечного Слова-Откровения, постижении софийной природы слова, никогда не отделявшее Язык от его родных поэтических истоков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Полон заслуг, однако *поэтически* жительствоует человек на этой земле» (Гёльдерлин)... Проживать поэтически значит пребывать в присутствии богов и быть затронутым близостью сути вещей... *Творение стихов есть изначальное именование богов*. Но поэтическое слово лишь тогда наделяется его именующей мощью, когда боги сами приводят нас к языку... Поэт не только именуется богами, но именованьем возводит все вещи в то, что они суть... сущее этим именованьем впервые словополагается в то, что оно есть... Поэзия – это несущая основа истории и потому также – не только некое культурное явление и уж тем более не просто «выражение некой души культуры»... *Поэзия есть словесное учреждение бытия... Поэзия никоим образом не воспринимает язык в качестве какого-то наличного материала, а сама впервые делает язык возможным... Таким образом, сущность языка должна пониматься из сущности поэзии»* (Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / пер. с нем. Г.Б. Ноткина. – СПб.: Академический проект, 2003. С. 81 – 91).

² Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. – М.: Астрель; Corpus, 2012. С. 70.

³ Апель К.-О. Трансформация философии. – М.: Логос, 2001. С. 20 – 22, 24 – 26, 31.

⁴ Андреев Д.Л. Роза Мира. – М.: Эксмо, 2011. С. 492, 494, 507, 515, 516, 524.

⁵ См.: Достоевский Ф.М. Пушкин // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 26. – Л., 1984; Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Юность. 1989. № 6. С. 56 – 64; Розанов В.В. О Пушкине. Эссе и фрагменты. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000; Гершензон М.О. Мудрость Пушкина // Гершензон М.О. Избранное. В 4 т. / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. Т. 1. – М.: Университетская книга; Иерусалим: Gesharim, 2000; Франк С.Л. Этюды о Пушкине. – М.: Согласие, 1999; Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. – М.: Искусство, 1993; А.С. Пушкин: pro et contra. Антология. – СПб.: Издательство Христианского гуманитарного института 2000; Пушкин в русской философской критике. – М.: ЦГНИИ ИНИОН; СПб.: Университетская книга, 1999.

⁶ Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи. Речи. С. 67.

⁷ Гершензон М.О. Ключ веры. Гольфстрем. Мудрость Пушкина. – М.: Аграф, 2001. С. 416.

⁸ Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма / сост. А.Б. Муратова. – СПб.: Худ. лит., 1994. С. 358 – 359, 363.

⁹ *Потебня А.А.* Слово и миф / сост. и коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Правда, 1989. С. 184.

¹⁰ *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки. В 2 т. / сост. и коммент. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. – М.: Эллис; Лак, 2000 – 2001. С. 159.

¹¹ *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // *Флоренский П.А.* Имена / сост., вступ. статья и примечания С.А. Филоненко. – М.: Эксмо-Пресс; Фолио, 1998. С. 306.

¹² *Лосев А.Ф.* Философия имени // *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений / отв. ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Правда, 1990. С. 127.

¹³ *Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют / отв. ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1999. С. 355, 357.

¹⁴ *Булгаков С.Н.* Философия имени. – СПб.: Наука, 2008. С. 35, 47.

¹⁵ «Язык есть дом Бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости Бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке... Язык в его бытийно-историческом существе... есть о-существляемый Бытием и пронизанный его складом дом Бытия. Предстоит еще, поэтому, осмыслить существо языка из соответствия Бытию, а именно, как это соответствие, то есть как жилище человеческого существа... Язык есть дом Бытия, живя в котором человек экзистует, поскольку, оберегая истину Бытия, принадлежит ей... Человек должен, прежде чем говорить, снова открыться для требования Бытия с риском того, что ему мало или редко что удастся говорить в ответ на это требование. Только так слову снова будет подарена драгоценность его существа, а человеку – кров для обитания в истине Бытия» (*Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М.* Время и бытие / сост. и перевод В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. С. 192, 195).

«Язык никогда не есть просто выражение мысли, чувства и желания. Язык – то исходное измерение, внутри которого человеческое существо вообще впервые только и оказывается в состоянии отозваться на Бытие и его зов и через эту отзывчивость принадлежать Бытию. Эта исходная отзывчивость, в истинном смысле достигнутая, есть мысль. Мысля, мы впервые учимся обитанию в той области, где сбывается вынесение судьбы Бытия... Лишь когда человеческое существо в событии прозрения как озаренное им отказывается от человеческого своеволия и бросает себя навстречу озарившему его свету, прочь от самого себя, человек в своем существе начинает отзываться на обращенное к нему озарение. Благодаря такой отзывчивости человек оказывается способен в хранимом событии мира взглянуть как смертный в лицо божественному. Иначе – никак; ибо и Бог, если он есть, остается сущим, пребывает как сущий в Бытии и его сути, осуществляющийся в свете мира» (*Хайдеггер М.* Поворот // *Хайдеггер М.* Время и бытие. С. 254, 257 – 258).

¹⁶ *Бердяев Н.А.* Истина и откровение. Прологомены к критике откровения. – СПб.: РХГИ, 1996. С. 6 – 7, 14 – 20.

¹⁷ *Бурлака Д.К.* Мышление и откровение. Систематическое введение в христианскую метафизику. – СПб.: Изд-во РХГА, 2007. С. 180 – 181, 187.

¹⁸ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 15. – Л.: Наука, 1976. С. 205.

¹⁹ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное издание) / под общ. ред. В.Г. Черткова. Т. 7. – М.: Госуд. изд-во худ. лит., 1936. С. 126.

²⁰ Об истории реализации идеи совершенного языка в западноевропейской философской и историко-культурологической мысли см.: *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре / пер. с ит. и прим. А. Миролюбовой. –

СПб.: Александрия, 2009. С. 44 – 45, 54 – 55. В этой книге У. Эко выделяет *универсальный язык* и *совершенный язык*, настаивая на их принципиальном различии, и особо акцентирует момент *исконного совершенства Языка*. *Универсальный язык* – язык общеупотребляемый, в основу которого положен принцип универсальной грамматики и который представители всех наций и культур смогут освоить в течение короткого времени с целью использования для эффективного общения. Этот искусственно сконструированный человеческим разумом согласно законам классической логики язык, когда-то претендовавший на то, чтобы стать идеальным международным языком, в итоге не состоялся, оказавшись лишь малопригодным средством передачи информации в сугубо практических целях. *Совершенный язык* – Божий дар Человеку, тот язык, на котором Бог впервые обратился к Адаму. Это был невербальный язык, постигаемый в сокровенных глубинах души, сердца посредством некоего озарения, язык *совершенный* в смысле подлинного понимания и проречения Истины, сути вещей.

²¹ «...безмолвный мир, если бы он существовал, был бы миром анархическим. Знание не могло бы в нем родиться. Но и как анархическое (граничащее с бессмыслицей) присутствие мира в сознании заключается в ожидании Слова, которое все не приходит... Слово вводит начало в это хаотическое состояние... Слово, которое уже обозначилось в лице, смотрящем мне в глаза, впервые свидетельствует об откровении. Мир начинает ориентироваться на него, то есть обретает значение. Мир начинается с соотношения со Словом... Мир становится изреченным» (*Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное.* – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 125 – 127).

²² На такую необходимость имеются указания в работах современных философов (См.: *Долгов К.М. Учение о Логосе и его значение для европейской и мировой культуры // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 163 – 166; Миронов В.В. Философия и слово. Еще раз о специфике философии // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 14 – 27.*

²³ См.: *Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование.* – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000.

Аннотация

Статья посвящена диалогу русской философии языка и русской поэзии в их взаимном поиске сущности Языка. Обосновывается тезис, что подлинная сущность Языка может быть понята только из сущности Поэзии. Язык рассматривается как хранитель памяти Культуры, сосредоточивший в себе всю мудрость истории Человечества.

Ключевые слова: язык, истина, память, имя, творчество, русская поэзия, русская культура.

Summary

The paper is devoted to the dialogue between Russian philosophy of language and Russian poetry in their mutual search for Language entity. Grounds are given for the thesis which claims that the inward nature of the Language can be understood only by means of Poetry. The Language is treated as a depository for the Cultural memory, which possesses all the wisdom of Human history.

Keywords: language, truth, memory, name, creativity, Russian poetry, Russian culture.